

КОРИФЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНСКОЙ ПОЭЗИИ

Абузар БАГИРОВ,

писатель, доктор филологии, доцент Университета МГИМО МИД РФ

Гениальный азербайджанский поэт и философ Ильяс Юсиф оглы - Низами Гянджеви родился в древнем азербайджанском городе Гяндже в 1141 году и безвыездно жил здесь вплоть до кончины в 1209 г. **Низами никогда не был придворным поэтом** и довольствовался скромными пособиями, которые ему назначали царствующие особы за посвященные им поэмы.

Будущий прославленный поэт вырос в семье учёных-богословов. В молодости Ильяс приобрел к разным наукам: близко был знаком с логикой, медициной, юриспруденцией, астрономией, географией, уделял большое внимание изучению истории, философии, теологии, теории поэзии и фольклорного наследия. Низами в совершенстве знал арабский язык, посредством которого глубоко изучил основы многих наук, ибо арабский язык

являлся на всём Востоке языком науки и просвещения. Кроме того, он блестяще освоил фарси - язык поэзии всего Востока, на котором создал свои гениальные произведения, вошедшие в мировую литературу. Также хорошо владел и греческим языком - языком философии.

Творческий путь Низами начался с лирических стихотворений на персидском и тюркском языках, но **в историю восточной и мировой художественной мысли он вошел прежде всего как бессмертный творец свода эпических поэм под общим названием «Хамсе» («Пятерица»): «Махзануль-эсрар» - «С окровищница тайн» (1178); «Хосров и Ширин» (1180); «Лейли и Меджнун» (1188); «Хейф-пейкар» - «Семь красавиц» (1196); «Искандернаме» (1203), состоящая из двух частей - «Шарафнаме» («Книга славы») и «Игбалнаме» («Книга судьбы»).** Всего «Пятерица» состоит из 30000 бейтов - двустиший.

«Пятерица» гениального Низами дала начало мощной литературной традиции: **под влиянием тем и сюжетов Низами Гянджеви на Востоке было написано около трёх сот оригинальных и по драматических произведений различных жанров, объёмов и форм.**

О «Диване» - сборнике стихотворений Низами Гянджеви сам же автор замечает в начале поэмы «Лейли и Меджнун», что газели поэта ещё при его жизни исполнялись певцами и пользовались широкой популярностью. «Диван» включал в себя около 20000 бейтов газелей, кыты, касыды, рубаи и других жанров восточной поэзии. Но, к сожалению, до нас дошла малая часть этого обширного наследия великого поэта.

Низами Гянджеви является одним из основоположников хорасанской персоязычной поэтической школы в азербайджанской литературе. Своеобразная композиция, неожиданные повороты сюжетов, яркая обрисовка характеров, высоко-

стильный образный язык, благородные гуманистические идеи поэта гениального азербайджанского поэта вот уже более восьми веков побуждают к художественным состязаниям стихотворцев едва ли не всех народов Ближнего и Среднего Востока, да пожалуй, и всего мира и остаются непревзойдёнными.

«**Сокровищница тайн**» состоит из двадцати коротких дидактико-философских поэтических глав. Она написана в форме месневи – «парнорифмующихся строк». Во введении поэт противопоставляет своё произведение напыщенной придворной поэзии. Впервые в истории персоязычной поэзии Низами добился в форме месневи сочетания изощрённой поэтической техники с глубоким содержанием. Гибкая композиция поэмы связана в единое целое ассоциативными переходами мысли, нова и развивается на основе точной проповеди, насыщенной нравоучительными притчами. Поэт смело призывает правителей к правосудию, заботе о благе людей, предупреждает о карах за угнетение и насилие, резко осуждает тягу к чрезмерному богатству, воспевает искреннюю человеческую дружбу. В целом поэма воспевает высокие гуманистические идеалы, проповедуя справедливое отношение к человеку.

Любовная история с омножеством саморазвивающихся сюжетов легла в основу романтической поэмы «**Хосров и Ширин**», посвященной любви шаха Хосрова к красавице Ширин. Великий поэт принципиально отводит центральное место не монарху, а женщине, наделяя её высокими достоинствами. Слабохарактерный, аморальный, эгоистичный Хосров лишь перед смертью, облагороженный любовью к Ширин, поднимается до подвига самоотвержения. Необычайно интересен образ каменотёса, скульптора и благородного труженика Фархада, формируя одну из центральных сюжетных линий.

В поэме «**Лейли и Меджнун**» поэтически разработан старинный сюжет арабской легенды о несчастной любви юноши Гейса, прозванного «Меджнун» – «Одержимый», к красавице Лейли. Низами придаёт легенде законченность, описал характеры героев в развитии, психологически мотивируя их поступки. Трагическая концепция поэмы – неодолимая любовь на грани помешательства, ведущая к духовному слиянию любящих, возможна только в высокой поэзии, а не в жизни. Именно такая концепция придаёт произведению монументальность и объединяет всю сюжетную линию в стройное целое,

освещая поэму грустно-романтическим ореолом.

В основе сюжета поэмы «**Семь красавиц**» положена легенда о шахе Бахраме Гуре. Поэма состоит из семи рассказов о царевен – жён Бахрама, живущих в семи дворцах, каждый из которых в соответствии с древней мифологической традицией посвящен какой-либо одной планете и дню недели и имеет соответствующий цвет. Каждый сюжет – занимательная новелла любовных переживаний, в которых грубая чувственность сменяется духовно просветлённой любовью. Другая тематическая линия – превращение Бахрама из легкомысленного царевича в справедливого и умного государя, борющегося с произволом и насилием; здесь перед читателем разворачивается картина народных страданий, коварства и алчности придворных...

Поэма «**Искандернаме**» фактически подводит итог творчеству великого азербайджанского поэта Низами Гянджеви. Главный герой Искандер – Александр Македонский выступает как справедливый политик, решающий все вопросы ради

защиты о ближних и освобождения угнетённых. В «**Шарафнаме**» с охранённым хронологическим порядком в описании различных подвигов Искандера. Вторую часть поэмы – «**Игбалнаме**» композиционно можно разделить на две большие части: «Искандер – мученик» содержит **серию философских новелл и диспутов с индийскими и греческими мудрецами о происхождении мира**. Во втором разделе – «Искандер – пророк» небесный голос сообщает ему, что он избран для озвещения истины всему миру, и приказывает ему объехать всю землю. **Истина Искандера – не божественное откровение, а наука. Отправляясь в путь, он берёт книги мудрости Аристотеля, Платона и Сократа.** Автор описывает четыре путешествия Искандера, и во время четвертого путешествия (на Север) он оказывается в стране, где нет ни чиновников, ни притеснителей, ни богатых, ни бедных, где не знают лжи и несправедливости, все равны перед Богом и Законом. Именно **эта социальная утопия поэта – вершина его философской мысли.**

Вопросы организации человеческого обще-

ства затронуты также в первой поэме – «Сокровищница тайн». В «Хосров и Ширин» под влиянием любви в характере шаха Хосрова проявляются положительные черты, но он преждевременно умирает. В поэме «Лейли и Меджнун» главная философская тема Низами уходит на задний план и снова возникает в «Семь красавиц», но активную деятельность Бахрама обрывает его таинственная гибель. Наконец, в последней поэме автор не только **даёт развёрнутый образ идеального правителя, но и идёт дальше, выдвигая необыкновенно смелую для своего времени идею: как бы ни был хорош правитель, главным фактором является совершенная форма общества – общества равных, не знающего имущественного неравенства, а потому и не нуждающегося ни в каком правителе.** Низами понимал, к какому важному обобщению он пришёл и поэтому придавал особое значение последней поэме, явившейся как бы завещанием великого мыслителя, который был не только носителем передовых идей своего времени, но и во многом опережал эпоху. В целом творчество

гениального азербайджанского поэта Низами Гянджеви – большой вклад в с окровищницу мировой культуры, оно принадлежит и Востоку, и Западу.

Творчеству великого Низами уделяли большое внимание такие выдающиеся деятели западной культуры, как великий немецкий поэт Иоганн Вольфганг Гёте, немецкий учёный В.Хаммер, английский учёный Натаниэль Бланд, венгерский учёный Вильгельм Бахер, чешский учёный Ян Рипка, английский учёный Ларенс Биньон, французский учёный Ф.Б.Шармуа, а также ряд русских ученых и поэты П.Г.Антокольский, Н.С.Тихонов, известный армянский учёный и писатель М.С.Шагинян, персидские учёные – Вахид Дестигирди и Гулам Гусейн Дараб и многие другие.

Интеллектуальная, философская глубина и феноменальная художественная мощь, присущая творениям корифея азербайджанской поэзии Низами,нискали ему широчайшую славу не только на Востоке, но и во всём мире, и его бессмертное имя органически вошло в с окровищницу мировой культуры.

КЫТЫ

Разъяснение любви: Ты от Каабы уйди и неверным стань.

Посоветует друг: ты влюблен – только лег коверным стань.

Сострадания любовь не найдет, обитает тайне она. Стал любви не чужим, так для всех ты чужим и забвенным стань.

Если мы поравнялись с тобой на весах у любви, Гнев зачем твой растёт и люблю я сильнее почему? Чуть пораньше, казалось, ты больше любила меня – Я все так же твой друг, но вражда наша злей. Почему?

Перевод Н. Асанова

Ты пощади себя, сердце храни своё.

Пьяным, о друг, сердцам ты не давай его!

Взглядом задорным, верь, можно его разбить.

Пьяным, о друг, рукам ты не давай его.

Кубок, что с лалом схож, побереги, не бей.
Пьяным, о друг, устам не отдавай его.
Глянешь – отшельник тут, взор отведи скорей,
Сердце храни. Слепцам не отдавай его.

Перевод Н. Павловича

Где доблестный найдётся муж, кого бы мир не гнул?
Тех, кто не мучился бы тут в цепях полона, - нет.
Хоть счастье, как невесту, мы желаем разубрать,
Но все ж убора для нее у небосклона нет.
Коль так убого бытие, каким его я зрел, -
То нет в нем света, ничего в нем, кроме стона, нет.
О сердце, словно ценный клад, ты оба мира чти!
Но оба здесь они, для них другого лона нет.
Мир, что в шатре семи небес, оставь, о Низами!
То – скорпион, спасенья нам от скорпиона нет.

Перевод К. Липскерова

РУБАИ

Ежели твой дух тоскою неизбывною объят.
Никакие в мире речи сердцу груз не облегчат.
Распустилась пышно роза в цветнике твоей души
И, тая свой лик от взоров, льёт томящий аромат.

Гурия моя земная! Ту жемчужинку, что рок
У тебя из уст похитил, к брэнной прелести жесток,
Он отнёс, должно быть, к морю и сказал: «С неё при-
мер,
О жемчужины, возьмит е! К то б сравнит ься с нею
мог?»

Ах, очей твоих прекрасных лицезреть лучистый
свет
Нашим скромным поло женьем мы не зас лужили,
нет!
Тщетно воздыхали даже Кей Кубад и Кей Хосров
О свидании с тобою, и мечтанье наше – бред.

От очей моих влюблённых милая тайком ушла,
Не вняла моим стенаньям и, покинув дом, ушла.
Душу за полу хватало сердце бедное моё,
Но она, на них махнувши легким рукавом, ушла.

Так как тщетно за кумиром озираюсь я вокруг,
Мне один удел – скитаться, и скитаюсь я сам – друг.
По лицу земли я кровью сердца своего пишу
О тоске моей, чтоб сердцу передышку дать от мук.

По тебе тоску не взвесят длани рока, наш кумир!
Но за муки не услышишь ты упрека, наш кумир!
Пусть за нами ангел смерти не торопится прийти.
По тебе томясь, погибнем мы до срока, наш кумир!

От меня ушла ты! Где же мне тебя искать, увы!
О тоске моей великой некому сказать, увы!
Знаю, что теперь до гроба не увижу я тебя.
Мне одно осталось, кровью очи омыв, увы!

Если буду плакать, кто бы мне в беде моей помог?
Если же крепиться буду, смертный час недалёк.
Память о тебе лелея, день и ночь вздыхаю я.
От любовного томленья смертных огради, о рок!

Как в курильницах алоэ, наши души в нас горят,
Ужасом кровавой брани наш несчастный край объ-
ят.
К нам стремишься ли, не знаю, но о т нас ты так да-
лёк!
Не вс тупаешься, х оть видишь, чт о и дёт на бра та
брат.

Дни свои влачить без друга – наигоршая из бед.
Жалости душа достойна, у которой друга нет
Утешителя лишённый, проживи-ка, не скорбя,
Эти несколько коротких, купленных у рока лет!

Лик твой – словно месяц ясный, с горних блещущий
дорог;
Кудри на твоих ланитах – словно бы лучей поток;
На лицо твоё, как будто для того, чтоб уберечь
Красоту его от сглаза, тёмный наведён пушок.

Нет напиток ка лучше с ока пьяных г роздей, мне по-
верь!
Слава лучшая кумирен в чистом их вине, поверь!
Мир земной – разва лин г руда: жизнь нам лучше
провести
Под к абацким вет хим кровом в с ладком полу сне,
поверь!

Перевод О. Румера

ГАЗЕЛИ

Расступился чёрный мускус, и она всплыла вчера.
Оттого пришли в порядок все мои дела вчера.
Лунолика спешила, соглядатаев боясь,
Полотно с Луны срывая, розы обожгла вчера.
На жемчужину глядел я, глаз не властен отвести,
Словно по моим ресницам – влажная – сошла вчера.
И покоились мы рядом. Пробудилось – и бегом
Счастье резвое пу стилось, чу ть сг устилась мг ла
вчера.

«Ухожу! – она сказала. – Что мне дать в залог тебе?» –
«Поцелуй», - я той ответил, что мне жизнь дала вчера.
Я проснулся, опаленный, и огонь во мне горит, -
Впрямь была вода живая в той слезе светла вчера.
Головою ширваншаха вам клянется Низами:
Лишь во сне со мною вместе милая была вчера.

В ночи я знаю: сердце мне от той отвлечь придётся,
На чьей дороге утренней мне снова лечь придётся.

Возлюбленная избрана, и, чтоб избрать другую,
Придётся с бросить э ту ж жизнь, в торую в лечь п ри-
дётся.

Луна! Тебе я ж ерткой с тал, - благ ословен т вой
праздник! –

Мне по твоим глазам гадать – как ни перечь – при-
дётся.

Попоной твоего коня я голову прикрою,
Воительница! Вновь ронят ь мне ж алкий ме ч при-
дется.

В дар на пиру прими меня, - ужели жемчуг слёзный
Мне в золотом ларце моём всю жизнь бере чь при-
дётся?

С дороги убери скорей обычай ранить сердце,
Горячей кровью мне залить дорогу сеч придётся.
Из сердца эта влага бьёт, из глаз моих струится, -
Прах Низами у ног т воих – ей смыт ь и с жечь при-
дётся!

Спустилась ночь. Явись, Луна, в мой дом приди на
миг!

Душа желанием полна, - о, погляди на миг!

Ты – жизни плещущей ро дник, ис ток с уществова-
нья,

Недаром я к тебе приник, - прильни к груди на миг!

Не ненавидь, не прекословь, дай мне немного сча-
стья!

Смотри, как жадно бьётся кровь, - к ней припади на
миг!

Верь этим благодным слезам и, если я отравлен,

От черной немочи, бальзам, освободи на миг!

Зачем ты пляшешь на ветру, изменчивое пламя?

Будь благовоньем на пиру и услади на миг!

Но смоль волос вокруг чела – тугры крылатой рос-
черк.

Я раб, султаном ты пришла, - так награди на миг!

Перевод А. Тарковского

Из ночи в ночь прочней, к тебе привязан я.
День ото дня стыдней тебе любовь моя.
Влюблён я и презрен – на торжество врагам,
Ты смущена – двойным смущеньем скован я.
Был белолицым я – от горя почернел.
Ты чёрные дела творишь, любовь моя.
Пришёл к тебе, а ты навстречу не идёшь.
Проходит жизнь, меж нас согласие не творя.
Пролей же кровь мою, барсам свой освежи:
Соль сахару сродни на кухне бытия.
Тебя в словах воспев, стал славен Низами,
Шах славен и без сов, лишь он – судьба твоя.

Кумир мой, колдовство не грех,
но ты игрива слишком!
Мне уст не разомкнуть при всех,
ты говорлива слишком!
Ты любишь воровать сердца,
что правоверным не к лицу,
А ведь лишённый сердца мстит
несправедливо слишком!
Смягчи свой непреклонный взор,
налюбоваться дай собой,
Ведь ты не стражник, я не вор,
следишь ревниво слишком.
Служенья поясом свой стан стянул я,
словно муравей,
А ты, мой друг, не Сулейман:
рвешь дар ретиво слишком.
Но если, Низами, хмельна, на пир твой явится она,
Не бойся, ей налей вина, будь торопливо слишком!

Перевод М. Борисовой

Отрывок из поэмы «Сокровищница тайн»

РАССКАЗ О СТАРУХЕ И СУЛТАНЕ САНДЖАРЕ

Старуха одна, в возмущенья пылу,
Султана Санджара схватив за полу,
Вскричала: «О, где справедливость твоя?
Тобой, что ни год, оскорбляема я!
Твой пьяный шихнэ залезает ко мне,
Пинков надавал по лицу и спине,
Избил, истоптал без вины меня он,
За волосы выволок из дому вон,
На людях ругает, поносит, как зверь,
Насилья печать налагает на дверь,-
«Горбатая, эй, отвечай, - говорит,-
Такой-то на улице кем был убит?»
Убийцу он ищет, а дом осквернён.
О, где же насильники, если не он?
Пьян сторож - смекает и головорез...
Будь трезвым, он в драку б с старухой не лез!
Доход всей страны они топят в вине,
Его на старух возмещая спине!
Кто мирно на это бесчинство взирал,
Мой стыд, а твою справедливость попрал.
Избита, истерзана старая грудь,
О, есть ли в ней силы хоть сколько-нибудь?
Когда правосудья в тебе не найду,-
В день судный свой счёт предъявлю я суду!
Чтоб чтил ты закон, - я не вижу в тебе!
Насилью препон - я не вижу в тебе!
Царь должен народам поддержкою стать,
А ты угнетаешь народы, как тать.
Не стыдно ль кусок отнимать у сирот,
Кто делает так, благороден ли тот?
Великий вор мелкой поклажи старух,
Стыдись трудовой этой пряжи старух!
Ты - раб, хоть и в царское платье одет,
Кто ценит царя, приносящего вред?
Царь всюду в державе наводит закон,
Внимательно, с ласкою властвует он.
Чтоб всяк на приказ его - голову клал,
Чтоб дружбу его - в свою душу влагал.
А ты, хоть весь мир переставил вверх дном,-
Геройством каким отличаешься в нём?
С тех пор как под тюркскою властью страна,-
Оделась в наряд правосудья она.
Но ты, в беззаконьи питающий вкус,
Не тюрк ты, царь, ты - грабитель индус!
Ты крыши обрушил с жилья горожан,
Ты вытряс зерно из колосьев дехкан.

Но помни - удел не бессмертен земной,
Найдёт тебя смерть и за царской стеной!
Закон - как костёр в темноте разложи,
День нынешний с завтрашним ты подружи,
Чтоб словом порадовал сердце старух,
Чтоб слово старухи - наполнило слух.
От страждущих - руку свою отведи,
Не то быть проклятью - как стрелам в груди!
Что рыщет по всем закоулкам рука,
Беспечна к последним кускам бедняка?
Ты миру был дан животворным ключом,
Не ради неправды поставлен ты в нем.
О шах, чтоб мучение раны смягчить,
Ты пластырем должен ее залепить.
Хвалить тебя - слабых обычай, а ты
Обычай устрой из своей доброты.
И оберегай, как святыню души,
Двух—трёх наилучших, укрытых в глуши!»
Санджар, Хоросаном владевший, не внял
Тем мудрым словам - и страну потерял.
И нет правосудья сейчас на земле,
Ищи его лишь на Симурга крыле.
И стыд позабыт под окном голубым,
И честь на земном этом шаре - как дым.
Вставай, Низами, и заплачь от стыда,
Плачь кровью над тем, кому кровь как вода!

The article provides a brief analysis of the philosophical legacy of the great Azerbaijani poet and thinker of the Middle Ages, Nizami Ganjavi. The review is based on the works of Nizami that are part of his famous "Hamsa" ("Quinary").

Перевод М.С. Шагинян

